

- ⁶ Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае... С. XIX.
- ⁷ См.: Раздорский А.И. Указ. соч. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 581.
- ⁹ Примечания А.М. Правдина к публикации «Церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии» Г.И. Чернышевского // Саратовские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1882. № 31 (25 авг.). С. 204–205.
- ¹⁰ Соколов В.П. Саратовские Епархиальные Ведомости за пятьдесят лет их существования (июнь 1865 г. – май 1915 г.). Исторический очерк. Саратов, 1915. С. 51–52.
- ¹¹ См.: Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. I. Саратов, 1978. С. 41–42; *Он же*. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди: Сб. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183; Майорова А.С. Первый труд по истории Саратовской епархии // Южный Урал: история и историография: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. 1. Уфа, 2008. С. 137–146.
- ¹² См.: Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии (1850–1853 гг.) // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. 42 л.
- ¹³ Там же. Л. 8–9 об. Сведения, входящие в состав
- церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии, представленные Г.И. Чернышевским в Консисторию. Записи в черновом варианте. Состояние епархии на 1828 г. и на 1851 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 4; 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 24–27.
- ¹⁶ Там же. Л. 32–33.
- ¹⁷ Там же. Л. 7–9 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 39.
- ¹⁹ Там же. Л. 41.
- ²⁰ Там же. Л. 41 об.
- ²¹ Примечания А.М. Правдина ... // Саратовские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1882. № 31 С. 205.
- ²² См.: Леопольдов А.Ф. Открытие Саратовской Епархии и сведения о первых архиереях // Саратовские Епархиальные ведомости. 1865. № 1. С. 20–26; № 2. С. 21–25; № 3. С. 29–32; № 4. С. 17–31; № 5. С. 29–32; № 8. С. 18–26.
- ²³ См.: Правдин А. Историческая записка о Саратовской епархии (за пятидесятилетие 1828–1878 года). Саратов, 1879. 48 с.
- ²⁴ Лебедев А.А. Указ. соч. С. 6.

УДК [94:329.055.4](470.44) |1921/1923

САРАТОВСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В 1921–1923 ГОДАХ: ПОД ПРЕССОМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Е.А. Рязанцева

Саратовский государственный университет
E-mail: lenaryazantzeva@rambler.ru

В статье на основе материалов местных архивов и периодической печати анализируется деятельность меньшевиков в Саратове и губернии в начале 1920-х гг., выявляются изменения, произошедшие в рядах партии в этот период, формы и методы сопротивления возраставшему давлению со стороны большевиков в рамках становления и укрепления советской власти.

Ключевые слова: меньшевики, история политических партий, Саратовский Исполнительный комитет, история регионов России, репрессии.

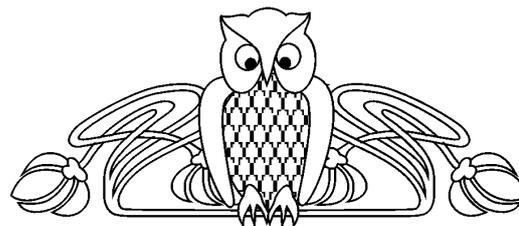
Saratov Mensheviks in 1921–1923-s: under the Press of Soviet Power

Е.А. Ryazantzeva

In the article, based on the reference sources of local Archives and the periodical press, the activity of Mensheviks in Saratov and Province at the beginning of 1920-s is analysed, the changes which took place in the composition of the party and also the forms and methods of resistance to the increasing pressure of Bolsheviks in the context of formation and consolidation of Soviet Power are revealed.

Key words: Mensheviks, the history of political parties, Saratov Executive Committee, the history of regions, repressions.

В последние годы проблема изучения истории меньшевизма в России стала особенно актуальной.

В данном контексте весьма плодотворным представляется обращение к региональному аспекту указанной проблематики, создающему основу для более глубокого и детального рассмотрения истории меньшевистской партии. В настоящий момент в исторической литературе практически не освещен вопрос о деятельности провинциальных меньшевистских организаций в годы становления советской власти, несмотря на то, что в ходе усиления преследований меньшевиков важную роль во многом стали играть местные партийные комитеты.

Одним из таких сюжетов по праву является проблема взаимоотношений саратовской организации меньшевистской партии с местными властями в начале 1920-х гг., периоде, наложившем серьезный отпечаток на политику саратовских большевиков в отношении своих политических оппонентов из числа умеренных социалистов. В рамках данной темы особое внимание следует уделить периоду 1921–1923 годов. Это было время последнего всплеска активности саратовских меньшевиков, прекращения легальной политической деятельности и, как результат, решения части местных социал-демократов о ликвидации меньшевистской организации.

В годы Гражданской войны Саратов оказался в сложном положении с военной и экономической точки зрения. В конце 1920 – начале 1921 г. ситуация достигла особенной остроты. Неурожаи, перебои с продовольствием, продолжение политики «военного коммунизма», проблема бандитизма приводили к снижению авторитета большевистской партии среди населения. В этой обстановке местная партийная организация посчитала особенно опасной деятельность саратовских умеренных социалистов, чьи взгляды и лозунги могли в сложившейся ситуации найти активный отклик среди населения. В докладе Губчека сообщалось, что антисоветские настроения распространились не только среди обывателей, но и среди должностных лиц советских учреждений, на заводах и фабриках значительно возросла агитация против компартии¹. Осенью 1920 г. был усилен контроль над деятельностью меньшевиков и эсеров, занятых в советских органах, что нередко приводило к арестам их лидеров, кроме того, были предприняты меры к расширению осведомительной сети среди рабочих и антисоветских политических групп².

Зимой 1921 г. положение в Саратове продолжало ухудшаться. Уже в конце февраля Саратовским Исполкомом было заявлено о неизбежности сокращения пайка³. Учитывая и без того плачевное состояние большинства населения, сокращение продовольствия могло вызвать рост негативного отношения к советской власти. Как показывают отрывки из писем жителей Саратова, многие рабочие были настроены против большевиков, влияние ячеек Российской коммунистической партии (Р.К.П.) на заводах минимально, рос авторитет меньшевиков и анархистов, поэтому власти опасались возможных выступлений и бунтов⁴. Понимая, что катализатором для открытого проявления недовольства могут стать лозунги меньшевиков и эсеров, выявлявшие недостатки большевистской политики в области экономики, саратовские власти санкционировали череду арестов умеренных социалистов. В плане работы Саргубчека на первую половину 1921 г. выражались опасения о возможности активизации организационной борьбы со стороны умеренных социалистов в военном и агитационно-пропагандистском плане⁵.

Задержания социал-демократов зачастую производились без предъявления внятных обвинений, то есть главным основанием становились оппозиционные политические убеждения. Саратовский меньшевик Илья Гольц, арестованный в это время, вспоминал, что в тюрьме оказалась почти полностью меньшевистская и эсеровская верхушка – Либер, Налетов, Винавер, Затонский⁶.

Апогеем данного процесса стала волна рабочих забастовок на предприятиях Саратова в марте 1921-го, поводом для которых стало уменьшение хлебного пайка. И если на первых порах происходило обсуждение продовольственного положе-

ния, то вскоре стали высказываться упреки в адрес советской власти и ЧК, требования перевыборов в Саратовский Совет, свободы слова и независимых союзов, освобождения политических заключенных⁷. Но вместо эффективных действий, направленных на улучшение положения рабочих, местные власти решили перенаправить недовольство населения в иное русло и одновременно покончить со своими политическими оппонентами в лице саратовских меньшевиков и эсеров.

В послании Саратовского Губкома в Москву утверждалось, что в возникновении политических требований в процессе забастовок виноваты саратовские меньшевики, кроме того, учитывая их влияние на рабочих некоторых предприятий, было заявлено о необходимости провести над ними показательный суд, чтобы дискредитировать их в глазах рабочих⁸. В докладе председателя Губчека даже утверждалось, что активные члены антисоветских партий, арестованные в конце зимы, непосредственно готовили рабочие выступления, хотя и предполагали начать их позднее марта, надеясь на эскалацию недовольства рабочих⁹.

По всей видимости, обвинения в адрес меньшевиков и эсеров в этом смысле можно рассматривать как определенный политический ход, так как действия центральных и местных властей таким способом формально выводились из-под критики. Принимая во внимание тот факт, что ещё в феврале главные деятели местной меньшевистской организации находились в тюрьме, вряд ли можно говорить о возможности организации меньшевиками массовых рабочих забастовок.

Официальным обвинением меньшевиков в возникновении рабочих волнений начавшаяся травля не закончилась. Перед саратовскими большевиками стояла задача их дискредитации в глазах населения. С первых чисел марта 1921 г. в саратовской прессе проводилась обширная клеветническая кампания против умеренных социалистов, начало которой было положено заголовком «Гоните предателей дела рабочего класса – меньшевиков и эсеров». Она велась с целью создания гипертрофированно отрицательного образа меньшевиков и эсеров и навязывания населению выгодной большевикам картины происшедшего.

В первую очередь было заявлено, что те трудности, с которыми столкнулась страна, являются выгодными для разрушительной деятельности и агитации социал-предателей меньшевиков и эсеров. «Стране грозит призрак голода: меньшевики и эсеры спекулируют на этом и разрушают строительную работу, начатую Советской властью!»¹⁰ Члены меньшевистских и эсеровских организаций обвинялись в развязывании забастовочного движения, которое могло свести на нет все действия советской власти по устранению причин кризиса в стране.

Кроме того, они официально признавались пособниками контрреволюционеров и западных агентов. Заявлялось, что это друзья белогвардей-

цев, подголоски буржуазии и предатели рабочего класса, которые ведут преступную агитацию, сея смуту в рядах рабочих¹¹, при том что меньшевики традиционно выступали как защитники интересов рабочего класса, а многие саратовские меньшевики сами были рабочими.

Особо клеветнический характер носили сообщения о тех целях, к которым якобы стремились умеренные социалисты. Со страниц газеты они характеризовались как злейшие враги революции и социализма, изменники рабочего дела, которые хотели взорвать советскую республику изнутри, создавая возможность для победы капитала¹². Эти обвинения в корне противоречили положениям социал-демократической доктрины, кроме того, конкретных примеров реализации контрреволюционных намерений меньшевиками в прессе не приводилось, критика носила скорее декларативный и пропагандистский характер.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что одновременно с обвинениями в адрес меньшевиков и эсеров «Известия» призывали саратовских рабочих не поддаваться их влиянию. Особенностью данных высказываний было то, что в газете содержался именно призыв к борьбе против агитации меньшевиков, то есть вновь имело место своеобразное внушение некоторой установки, модели поведения читателям со стороны местной власти.

Одновременно были приняты определенные меры, дискриминировавшие положение меньшевиков в советских учреждениях. В Саратове было реализовано решение ЦК РКП. о недопустимости назначения меньшевиков на ответственные посты в продорганы¹³. Делалось все возможное для блокировки любых возможностей социал-демократической агитации и работы среди населения. Согласно постановлению Губисполкома запрещались всякого рода сборища, митинги и собрания без специального разрешения Президиума Губисполкома¹⁴.

Начавшаяся кампания перевыборов в Саратовский Совет вызвала резкое усиление критики умеренных социалистов в прессе. Губисполком призывал рабочих быть бдительными и не верить обманным утверждениям меньшевиков и эсеров, отдать голоса компартии¹⁵. Принимая во внимание бросающуюся в глаза настойчивость подобных призывов, можно предположить, что в среде саратовских рабочих, положение которых продолжало оставаться плачевным, сохранялось недоверие к политике советской власти и симпатии к социал-демократическим лозунгам.

Результаты выборов¹⁶ принесли победу большевикам, получившим 447 депутатских мест из 587. Несмотря на это, в мае давление и контроль над деятельностью меньшевиков и эсеров со стороны местной власти лишь усилились. В докладе о деятельности Губчека за апрель–май 1921 г. сообщалось об усилении работы среди левых партий, попытках наладить агентурную сеть в саратовской

тюрьме, где в тот момент находились основные лидеры местных меньшевиков и эсеров¹⁷.

Одновременно продолжилась травля социалистов на страницах периодической печати. Здесь следует подчеркнуть противоречие, которое возникло в оценке местной большевистской властью политической ситуации в губернии и степени активности оппозиционных партий. В отчете Губисполкома о состоянии Саратовской губернии сообщалось, что организованного влияния анти-советских партий на рабочих и крестьян в мае не наблюдалось¹⁸. В газетных же статьях за этот период утверждалось, что враги советской власти мобилизуют все силы, происходит объединение кадетов, меньшевиков, эсеров, которые действуют по всем направлениям¹⁹.

Лето 1921 г. было для Саратова одним из тяжелейших. Проблема голода стала в регионе основной. «Жизнь за последнее время стала кошмарной... У нас невероятный голод... Люди умирают прямо на улице...»²⁰. Это негативно сказывалось на доверии к большевистской власти. В месячных сводках Губисполкома подчеркивалось, что политическое состояние губернии было крайне неудовлетворительным²¹.

В подобных условиях большевистские власти опасались возможного роста популярности социал-демократов, которая в сложившейся ситуации мог сыграть роль своеобразного детонатора. В программе Саргубчека говорилось, что тяжесть экономического положения может спровоцировать сближение рабочего класса с противниками советской власти и РКП., поэтому необходимо усилить осведомительную работу в массах и в рядах антисоветских социалистических партий²².

Одновременно в прессе продолжали появляться заметки о контрреволюционной деятельности меньшевиков в масштабах страны и губернии. К меньшевикам и эсерам применялись ставшие уже традиционными эпитеты: «Лакеи и агенты европейского капитала», «социал-предатели», «приспешники буржуев»²³. Им также вменялись в вину непосредственные подрывные действия, направленные против советской власти и народа. Шло параллельное обвинение членов столичной меньшевистской организации в причастности к контрреволюционному заговору и местных социал-демократов в спекуляции на голоде как способе подрыва авторитета большевистской власти и возвращения к старым порядкам²⁴. В этих же заметках тщательно рисовался образ компартии как защитника прав рабочего класса, который, невзирая на надежды социал-предателей, стоял на страже завоеваний революции.

Если обратиться к архивным документам и воспоминаниям очевидцев, можно заметить, что реальный масштаб деятельности саратовских меньшевиков был слабо сопоставим с газетными заявлениями. Сформированный в тюрьме меньшевистский комитет устраивал дискуссии, писал и переправлял на «волю» руководящие статьи для

издания подпольной саратовской меньшевистской газеты «Социал-демократ»²⁵. Оставшиеся на свободе социал-демократы предпринимали попытки налаживания хотя бы минимальной организационной работы. «В Саратове устанавливается некоторая деятельность меньшевиков в союзе Всемередпросантруд, есть сведения об организации ими здесь своих кружков»²⁶. Но вряд ли можно говорить о том, что саратовские меньшевики имели возможность радикально повлиять на ситуацию в городе или представляли серьезную угрозу для местной большевистской власти. Меньшевики не могли осуществлять активную деятельность в течение длительного срока уже по той причине, что об этом было известно местной ЧК, что давало ей возможность пресечь их действия в любой момент.

Осенью преследование саратовских меньшевиков заметно усилилось в связи с теми проблемами, которые встали в это время перед местной властью. Ситуация с продовольственным снабжением населения губернии становилась критической. Кроме того, в ноябре должны были состояться перевыборы в Саратовский Совет, что предполагало необходимость проведения обширной пропагандистской предвыборной кампании. Начало этой кампании в прессе было положено сообщениями о контрреволюционном заговоре в Петрограде с участием кадетов, эсеров и меньшевиков, которые являлись пособниками западного империализма, прикрываясь деятельностью комитетов помощи голодающим²⁷. Следующим шагом местных властей стала обширная чистка местных партийных рядов, важной целью которой считалось исключение из партии бывших меньшевиков, вступивших в неё после 1918 г., «сумевших примазаться» к Р.К.П., на деле «ведя тихую сапу» против Советов²⁸.

В преддверии выборов нападки на умеренных социалистов в печати стали ещё крикливее. Читателям внушалось, что нельзя верить возможным заявлениям социал-демократов о фальсификации свободных выборов, отсутствии свободы слова, преследованиях и терроре со стороны компартии в отношении политических оппонентов²⁹. Но, принимая во внимание тот факт, что возможности легальной деятельности местная меньшевистская организация была лишена ещё весной в связи с новыми правилами регистрации обществ и союзов, к тому же, осенью последовал новый виток арестов умеренных социалистов, можно утверждать, что подобные заявления со стороны меньшевиков и эсеров были вполне обоснованными.

К началу 1922 г., фактически, все возможности для деятельности социал-демократов в Саратове были пресечены. Но местные большевистские власти, на деле обескровив меньшевиков, продолжали опасаться распространения их лозунгов. Среди архивных источников за 1922 г. пока не удалось найти каких-либо ясных упоминаний о действиях саратовских социалистов,

несмотря на это, в течение всего года в прессе велась активная кампания по их окончательной дискредитации в глазах населения. Борьба власти с реальной организацией перешла в плоскость борьбы с идеями, которые казались большевикам особенно опасными в связи с переходом к новой экономической политике.

Зимой на страницах «Известий» встречались заявления о происках социал-предателей меньшевиков и эсеров в рамках нэпа, их попытках извратить принципы профсоюзного движения, прикрываясь лозунгами «независимых» профсоюзов³⁰. Заметное усиление нападков на меньшевиков началось летом, в связи с подготовкой и проведением судебного процесса над социалистами-революционерами. Газетные статьи сообщали, что меньшевики, безусловно, являлись соучастниками эсеров в их попытках взорвать советскую власть с помощью затуманивания сознания рабочих³¹. Каких-либо конкретных примеров разлагающей деятельности меньшевиков на территории Саратовской губернии ни в одной из статей не приводилось. Учитывая августовское постановление Губисполкома, поставившее создание каких-либо обществ и созыв собраний под контроль Губчека и предусматривавшее обязательное указание партийной принадлежности учредителей, у местных социалистов фактически не было сил и возможностей для легальной политической деятельности³².

С наступлением осени поток обвинения в адрес меньшевиков продолжал возрастать, особенно увеличившись в процессе подготовки к перевыборам в Совет. Необходимо было поддерживать у населения идею постоянной опасности и скрытой враждебности буржуазной оппозиции. В середине октября вышла статья под заголовком «Партия контрреволюции и Гражданской войны», целиком посвященная разоблачению предательской сущности меньшевизма³³. Социал-демократы обвинялись в мелкобуржуазности и попытке использовать послабления нэпа для свержения советской власти.

Большое внимание уделялось разбору сущности меньшевистских лозунгов. В резолюции XIII губернской конференции Р.К.П. заявлялось, что меньшевики, представляя интересы империализма, провозгласили лозунг «свободных Советов без коммунистов», надеясь в случае успеха на беспомощность подобных Советов, что помогло бы им прийти к власти³⁴.

Обращаясь к источникам, отражающим события 1923 г. в Саратове, можно отметить интересную закономерность. Что касается первой половины года, единственные упоминания о меньшевиках встречаются, как и в отношении предыдущего периода, только на страницах «Известий», причем статьи написаны в таком же обвинительном тоне. Совершенно другая картина предстает при рассмотрении материалов за второе полугодие, когда свою активную деятельность начала группа местных социал-демократов, со-

лидаризовавшихся с политической линией компартии и приступивших к процессу ликвидации организации.

В первых выпусках «Известий» за 1923 г. встречались в основном упоминания о ренегатстве социал-предателей меньшевиков и эсеров, стремившихся, как и западная буржуазия, к восстановлению власти капитала, о распускаемых ими гнусных сплетнях по поводу состояния здоровья Ленина³⁵. В начале лета на страницах «Известий» впервые появилась статья «Черед за меньшевиками», написанная представителем саратовской меньшевистской организации Ю. Иоффе. Автор писал, что те сознательные меньшевики, которые не порвали своих связей с пролетариатом, должны принять единственно верную программу компартии, официально уничтожив остатки своей организации³⁶.

5 июля состоялось совещание инициативной группы бывших меньшевиков по вопросу о слиянии с Р.К.П. Главным вопросом стало выяснение настроений среди представителей местной меньшевистской организации по поводу готовности её к самоликвидации и вхождению в состав компартии. Как показывают материалы заседания, собравшиеся констатировали отход большинства активных меньшевиков от РСДРП(м) и необходимость широкой агитации в пользу слияния с Р.К.П.³⁷ Отсюда можно предположить, что подобная точка зрения все же не была единогласна принята всеми саратовскими социал-демократами. Существование в городе меньшевиков, сохранивших свои убеждения, подтверждается и обязательным постановлением ЦК от 10 июля для всех Губкомов о средствах борьбы с меньшевиками, предписывавшим пресекать любую их агитацию на предприятиях, одновременно усиливая антименьшевистскую пропаганду, устроить тщательную проверку состава учебных заведений, советских учреждений и профсоюзных на предмет выявления скрытых меньшевиков³⁸.

В то же время в «Известиях» был опубликован призыв от лица членов инициативной группы (В.Д. Петрова, К.К. Ткачева, Ю.Г. Иоффе, А.Н. Елшина, М.Д. Чевлева) ко всем социал-демократам меньшевикам, как вышедшим, так и оставшимся в рядах партии. Его основным содержанием стало заявление об ответственности меньшевиков за свои действия в годы революции и Гражданской войны и необходимости ликвидировать остатки партии, учитывая предательскую и преступную программу руководителей меньшевистского ЦК³⁹.

В августе деятельность группы по ликвидации была продолжена, что выразилось в проведении общих собраний и городских совещаний по выявлению политической линии и программы дальнейших действий. Было принято решение о командировке в Москву А.Н. Елшина с целью создания там группы по ликвидации или установления связей для созыва российской конференции

по этому вопросу⁴⁰. Другим направлением работы саратовской инициативной группы стали переговоры с Губкомом о возможности освобождения арестованных меньшевиков. Избранному бюро инициативной группы поручалось в случае недостаточности обвинений ходатайствовать об их освобождении, чтобы в дальнейшем привлечь их в состав группы⁴¹.

С началом осени развернулась активная подготовка к созыву городской конференции меньшевиков по вопросу о ликвидации. Для этого были выбраны агитационные группы для работы на фабриках и заводах⁴². Конференция состоялась 21 октября, председателем был избран В.Г. Сосновцев. В ходе собрания были заслушаны три доклада, легшие в основу итоговой резолюции. Их содержание сводилось к следующему: социал-демократическая доктрина оказалась несостоятельной, официальные вожди партии все больше склоняются к политике, противоречащей интересам пролетариата, поэтому единственным выходом для меньшевиков, не порвавших с рабочим классом, является решение о ликвидации своих партийных организаций и присоединение к платформе компартии⁴³.

Данное решение можно в какой-то мере считать предательством. Но, анализируя те условия, в которых пришлось существовать саратовской меньшевистской организации в период 1921–1923 гг., степень давления, оказывавшегося на неё со стороны местных большевистских властей, невозможность наладить легальную работу, можно сказать, что возникновение ликвидационной группы было в какой-то степени обоснованным. Кроме того, как показывают документы, к ней присоединились далеко не все саратовские меньшевики, да и среди членов самой группы зачастую возникали противоречия⁴⁴.

Так или иначе, указанный период, начавшийся для местных меньшевиков с роста их влияния среди населения и активизации работы в качестве оппозиции большевистской диктатуре, к концу октября 1923 г. окончился официальной ликвидацией организации по инициативе её же представителей, чему предшествовало двухлетнее существование в условиях не прекращавшегося прессинга и усиливавшегося контроля со стороны большевистской власти.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 43.
- 2 См.: ГАСО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 630. Л. 10.
- 3 Там же. Л. 39.
- 4 Там же. Д. 675. Л. 218–220.
- 5 Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 974. Л. 61.
- 6 См.: Гольц И. По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). Иерусалим, 2003. С. 101–102.
- 7 См.: Raleigh D.J. Experiencing Russia's Civil War:

- politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922. Princeton, 2002. P. 288–289.
- 8 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 633. Л. 4. В июне ЦК было принято решение о командировании в Саратов Крыленко для проведения процесса над меньшевиками, но из-за его болезни поездка была отложена и в итоге не состоялась.
- 9 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.
- 10 Известия Саратовского Губернского Исполнительного Комитета. 1921. 5 марта. № 50.
- 11 См.: Известия... 1921, март. № 50, 51, 52, 58.
- 12 Там же. № 50, 54.
- 13 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 42. Л. 16.
- 14 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 608. Л. 25.
- 15 См.: Известия... 1921, апрель. № 88, 89, 90, 91.
- 16 См.: Известия... 1921. 5 мая. № 97. Интересно, что в политической сводке Саргубчека есть замечание, что 60% избирателей уклонилось от голосования.
- 17 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.
- 18 Там же. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.
- 19 См.: Известия... 1921. 20 мая. № 110.
- 20 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 717. Л. 9, 10, 24, 26.
- 21 Там же. Д. 643. Л. 8.
- 22 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 61.
- 23 См.: Известия... 1921. 8 июня. № 126; 30 июня. № 143; 2 июля. № 144; 12 августа. № 180.
- 24 Там же.
- 25 См.: Гольц И. Указ. соч. С. 103–105.
- 26 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 59.
- 27 См.: Известия... 1921. 6 сент. № 200; 14 сент. № 207.
- 28 Там же. 25 сент. № 217.
- 29 Там же. 23, 24, 27 нояб. № 265, 266, 269.
- 30 Там же. 1922, январь. № 5, 13.
- 31 Там же. Май-июль. № 110, 128, 177.
- 32 См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 3. Д. 25. Л. 163 (об).
- 33 См.: Известия... 1922. 15 окт. № 236.
- 34 Там же. 18, 24 окт. № 238, 243.
- 35 Там же. 1923, январь-март, № 8, 29, 59.
- 36 Там же. 12 июня. № 129.
- 37 См.: ГАНИСО. Ф. 51/95. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
- 38 Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 40. Л. 13–13 (об).
- 39 См.: Известия... 1923. 12 июля. № 155.
- 40 См.: ГАНИСО. Ф. 151/95. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–2.
- 41 Там же. Д. 121. Л. 5, 7, 11.
- 42 Там же. Д. 117. Л. 5.
- 43 Там же. Л. 12–13.
- 44 Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 116. Л. 10–13, 15; Д. 117. Л. 17.

УДК 338.45(470.44)/(1941/1945)

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В САРАТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНО- БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧИХ КАДРОВ (1941–1945 годы)

С.О. Козурман

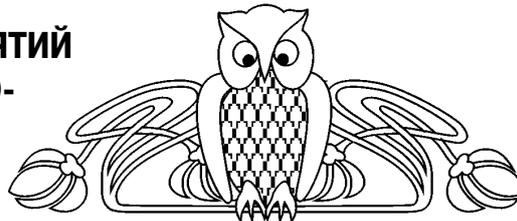
Саратовский государственный университет
E-mail: kozurman@front.ru

В статье освещаются важные экономические и социальные процессы в истории Саратовской области периода Великой Отечественной войны. Рассматриваются функционирование и роль многочисленных эвакуированных предприятий, их место в системе саратовской промышленности. Анализируются сложности повседневной жизни рабочих, деятельность власти по решению новых проблем военного времени. Отмечаются рост миграционной активности значительной части населения области и её причины.
Ключевые слова: эвакуация, промышленность, завод, рабоче, прокуратура, дезертирство.

Evacuation of the Industrial Enterprises to the Saratov Region and Socially-household Problems of Personnel (1941–1945)

S.O. Kozurman

Work covers the important economic and social processes in the history of the Saratov region of the period of the Great Patriotic War. Functioning and a role of the numerous evacuated enterprises, their

place in system of the Saratov industry is considered. Complexities of an everyday life of workers, power activity under the decision of new problems of a wartime are analyzed. Growth of migratory activity of a considerable part of the population of area and its reason is marked.

Key words: evacuation, industry, factory, workers, Office of Public Prosecutor, desertion

В годы Великой Отечественной войны Поволжье стало крупным центром размещения эвакуированного населения, хозяйственных объектов, ценностей культуры. Гигантское по своим масштабам перебазирование промышленных предприятий изменило экономический облик многих тыловых регионов СССР не только на период войны, но и на всё послевоенное время. Фактически, в первые часы после нападения Германии спасение материальных ресурсов и населения заняло важное место в действиях власти. Уже днём 22 июня Сталин в разговоре с Я.Е. Чадаевым отметил, что необходимо «... поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на Восток.